

ПОЛИНА ЕЛИЗАРОВА

ЧЕРНАЯ СИРЕНЬ

Москва
2023

УДК821.161.1-31
ББК82(2Рос=Рус)6-44
Е51

2-е издание, дополненное и переработанное

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

В коллаже на обложке использован фрагмент фотографии:
© Master1305 / Shutterstock.com
и иллюстрация: © Potapov Alexander / Shutterstock.com;
Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© CastecoDesign, Gulnara Khadeeva / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Елизарова, Полина.

Е51 **Черная сирень / Полина Елизарова.** — 2-е издание, дополненное и переработанное. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-172341-5

Майской ночью в городе туманов произошло загадочное убийство молодого танцора и возрастной замужней дамы.

Это событие в корне изменило жизнь нескольких вроде бы не причастных к нему людей.

Роскошная бродячая цыганка и красавица-самоубийца, мужественная отставная прокурорша и малодушные врачи, ночное варьете, зажигательные танцы, бомжи, каменные львы, сплетни черемухи и мистика черной сирени, метафоричные сны и полная чудес явь, низменное и духовное — все это ловко переплетается в романе «Черная сирень», с которого начинается знакомство с очаровательной Варварой Самоваровой, бывшим следователем полиции.

УДК 821.161.1-31
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

© Елизарова П., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172341-5

1

Этой ночью в городе мостов и тумана произошло двойное убийство.

Варвара Сергеевна Самоварова, красавица с ноябрьским снегом в волосах, еще во сне почувствовала необъяснимую тревогу.

И сон-то впорхнул, как из фильма сумасшедшего гения: в пурпурном небытии плавали беременные рыбы, ослепило показавшееся на время солнце, но быстро исчезло вместе с рыбами, оставив после себя смазанное черно-серое пятно.

И появились прачки.

По пояс голые бесстыжие бабы на балконах серых, прижатых друг к другу зданий, дружно распевая про любовь да про смерть, отжимали и развешивали белье.

Бабы были совсем юные, с едва оформившейся грудью, и зрелые, в самом соку (эти особенно нарочито прижимались к перилам, а некоторые даже зывали к себе ошарашенных прохожих), и старые, сморщенные, самые бессовестные, которые совсем не смущались своей наготы, а кичились ею и, демонстрируя свое превосходство перед остальными, вызывающе громко хохотали, широко раскрывая беззубые рты.

Варвара Сергеевна Самоварова встала с кровати.

На ходу разминая ноги, тяжело протанцевала к окну, открыла настежь форточку и, впервые за долгое время нарушив предписание врачей и здравого смысла, закурила натошак.

За грязной тюлевой занавеской трепыхался ее шестидесятый май, месяц молодых, месяц страсти.

Варвара Сергеевна прекрасно знала, что в девяноста девяти процентах случаев страсть не истинна и что, быстро зародившись, так же быстро помрет, затерявшись в коммунальных платежах и витринах с обувью, что не по карману. Но сейчас Варвара остро чувствовала, что где-то неподалеку притаился тот единственный оставшийся процент, который извращает все правила, делая их исключениями.

* * *

На кухне дочь отскребала от чугунной сковородки подгоревший омлет.

— Привет, мам...

— Привет, Аня, привет!

— Как спалось? Много преступников наловила?

Вопрос прозвучал с издевкой.

Самоварова не имела намерения реагировать на колкости дочери.

— Не помню... Что, много у тебя сегодня экскурсий?

— Если хочешь завязать содержательный разговор, придумай что-нибудь поинтереснее! Много — не много, твое-то какое дело?!

Почти всегда отекая по утрам, давно не обнимавшая мужчину, Аня грубо, как когда-то делал ее отец, плюхнула на тарелку с выцветшим по краям цветочным орнаментом свой неаппетитный завтрак, резко повернулась спиной к матери и полезла в ящик за таблетками.

— Раз, два-с, три-с... И чтобы при мне выпила!

— Хорошо-хорошо, выпью... Собирайся уже, а то опять впопыхах что-нибудь забудешь...

Самоварова достала из холодильника пачку обезжиренного, с ненавистной горчинкой творога и обреченно села напротив дочери, продолжая украдкой за ней наблюдать.

Еще каких-то пару лет назад ее дочь была чудо как хороша! От мужиков не было отбоя. Разрывался мобильный, Анна Игоревна кокетничала с трубкой, уходила вечерами, возвращалась под утро из кабаков да гостиниц, утомленная, с пустыми глазами, иногда — пьяная, иногда — счастливая.

И все — не то, не то пальто...

— Ну что ты на меня все поглядываешь? Не нравлюсь?

— Зачем ты так, Аня? Я просто задумалась...

Самое поганое, что через месяц-другой предчувствия Самоваровой сбывались: никто из них не оставил «где-то там» семью и никто никогда не возвращался.

Лет пять тому назад был у Ани один, из местных: рост — метр восемьдесят один, лицом похожий на молодого актера Рыбникова. Так присосался к дому, что, бывало, никакими намеками не выгонишь.

А дочь даже готовить научилась.

Возможно, и правда любил он Аню.

Но, как водится, с оглядкой, не забывая о своем удобстве.

И удобство это, после всех слов и обещаний, перетянуло его обратно к той, с которой долгие годы жил законным браком: не слишком красивой и совсем не образованной, зато понятной и удобной.

Самоварова, если бы ее прямо сейчас призвали на Страшный суд, не смогла бы честно ответить, кого, по ее мнению, дочери лучше терпеть: такого-разэтакого козла, с его враньем и перегаром, или мать, с плохо помытыми чашками, линияющими кошками, рецептами и пенсией.

В кастрюльке на плите вскипели бигуди.

После того как они повиснут тяжелыми гроздьями в дочкиных волосах, нужно отсчитать еще сорок минут, только тогда Варвара сможет наконец уйти из дома по своему сверхважному делу.

- Аня, возьми зонт!
- Отстань.
- Возьми, говорю.
- Зачем?
- Дождь будет.
- Кто сказал?
- Не помню... По радио передали...
- Мама, хватит! Лучше иди корми кошек! Достали уже, под ногами путаются!
- Ты можешь простудиться... Заболеешь.
- И что, помру, да?! Ничего, повеселишься у меня на похоронах!

Застучали сердитые каблучки, хлопнула входная дверь.

Никогда не ходившая в церковь Варвара Сергеевна перекрестила то место, где только что стояла дочь, протяжно выдохнула и шустро, будто пятнадцатилетняя девчонка, бросилась обратно на кухню.

Аня возводила на кошек напраслину: они ни у кого под ногами не путались. Кот Пресли, пятилетний американский керл, подарок Ларки Калининой, по утрам царственно возлежал посреди кухни в ожидании доброго слова и завтрака. Безродная красотка Капа исподволь изучала содержимое тарелок и чашек, поглядывая в окно за птицами и нервно дергая хвостом. Аня почему-то обзывала ее базарной хабалкой, а Варвара считала воплощенной женственностью: Капа всегда знала, чего хочет и как этого добиться. В данный момент она жадно лакала воду из стакана, приготовленного, чтобы запить таблетки.

— Минуточку подождите... Я вас порадую! — пообещала Самоварова и первым делом выкинула в помойку спрятанные под тарелкой таблетки.

Кошачья радость заключалась в отступлении от заведенного порядка: Варвара Сергеевна не стала греть кашу с рыбой — а они не очень-то и просили, им явно надоело правильно питаться — и насыпала в миски сухого кошачьего фастфуда, встреченного с большим энтузиазмом.

— Глупые вы кошки! — бросила на ходу Варвара и скрылась в ванной.

Пока кошки дружно хрустели кормом, Варвара Сергеевна наскоро умылась, надела хлопковое, в мелкий белый горох черное платье, причесалась, посмотрела в зеркало и подкрасила красивые полные губы яркой помадой.

Все.

Осталось найти зонт.

— Кошелек, ключи, зонт... Кошелек, ключи, зонт... — заглядывая во все углы, бубнила себе под нос Варвара Сергеевна.

Когда все необходимое было уже в руках, она, словно вдруг что-то вспомнив, стремительно направилась в свою комнату.

На дне изящного флакончика, дремавшего на полке в платяном шкафу, оставалось несколько капель цветочно-пудровой мечты.

— Пресли, брысь отсюда! И не надо так на меня смотреть! Тебе это не нравится, зато нравится мне! Имею я право, в конце-то концов?!

Пресли демонстративно чихнул прямо в цветочное облако, содрогнулся всей своей холеной шкуркой и, демонстрируя глубочайшую обиду, направился к подоконнику, на котором уже картинно разлеглась Капа. За стремление все и всегда делать напоказ Варвара ласково называла кота позером, а кошку — актриской.

— Ну все! Можете и дальше ломать комедию, мне пора! Хорошо хоть, ключи у меня еще не отобрали...

Варвара Сергеевна осторожно выскользнула за порог квартиры и, стараясь действовать как можно тише, дважды повернула ключ в замке.

— Доброе утро! — Со второго этажа медленно спускался сосед в мешковатом сером костюме с плотно затянутым на морщинистой шее галстуком.

Самоварова неохотно кивнула.

— Ну как там, Варвара Сергеевна, питомцы ваши?

— Спасибо, хорошо. — Самоварова вытащила было из сумочки кошелек, но не захотела при постороннем пересчитывать скудное содержимое и быстро убрала его в карман плаща.

— Здесь вчера мужик какой-то в подъездную дверь ломился, мол, корм привез для кошек. Я сразу понял, что к вам, к кому же еще. Якобы домофон у вас не работал и трубку вы не брали... Подозрительный тип! Вы уж извините, но в подъезд я его впускать не стал. Вам ли не знать, сколько сейчас жуликов развелось!

Самоваровой хотелось поскорее избавиться от соседа. Не считая нужным поддерживать разговор, она затопилась к лестнице.

— Секундочку, постойте! — повысил голос сосед.

— Что, простите?

— Варвара Сергеевна! Если уж вы заказываете доставку, будьте добры, не создавайте соседям неудобств!

— М-да?.. Всего хорошего!

Никакого курьера она не ждала, и заказать что-либо по интернету у нее не было возможности: интернет в квартире давно уже существовал только на Анькином запароленном ноутбуке. Может, это Анька проявила нежданную заботу, а потом закрутилась и сама о том позабыла? Так на нее похоже!

Сосед посмотрел Самоваровой вслед, крутанул пальцем у виска.

— Говорят же: шизофреничка, ну что с нее возьмешь?

Варвара Сергеевна вышла из подъезда на старинный, оживленный в этот час проспект и так быстро, как только позволяли ноги, понеслась по адресу, который шепнул ей в трубку пару часов назад один хороший человек.

Благо это было неподалеку.

2

Невзрачная двухэтажная гостиница, выкрашенная в желтовато-коричневый цвет, с тяжелыми решетками на низких окнах и затейливыми, словно случайно кем-то передвинутыми с пешеходных улиц чугунными лавочками по обе стороны от входа, располагалась в небольшом, уже утопавшем в майской зелени дворике.

В данный момент в тихом уголке творилось нечто невообразимое: на крошечной гостиничной парковке стояли три машины полиции и «скорая помощь», а служащие отеля в некрасивой униформе, зеваки из окрестных домов и похожие на гончих псов полицейские возбужденно суетились, покрывая громкими возгласами и матом весь этот маленький тесный пятачок.

Лупоглазая и худосочная администратор отеля с усилием придерживала рукой входную дверь, через которую беспрерывно сновали люди.

Самоварова стала протискиваться в самую гущу массовки. На нее тут же повеяло валокордином, гастритным желудком, дешевой кожей форменных полицейских ремней, сигаретами и плохим кофе.

Никто не обратил на нее ни малейшего внимания. Это позволило сразу же слиться с толпой в единый живой организм, чтобы уловить энергию, тонкий след которой вел наверх, в недра небольшого здания, где, судя по всему, развернулось основное действие.

Две смахивающие на проводниц поезда горничные с аляповатым, неуместным для дневного света макияжем, спешно затягиваясь, негромко переговаривались между собой.

— Богатая была... Она за все и платила...

— То ли кубинец, то ли мексиканец! — объяснял возрастную мужчину в льняном пиджаке своему собеседнику — долговязому парню с бумажным стаканчиком кофе в руке и дурацкой собачкой под мышкой.

— А если так, то кого-то из консульства должны были вызвать, — громко и скорее сам для себя заключил мужчина, поскольку парень, которому повизгивавшая собачонка явно доставляла физическое неудобство, только хмуро угукал в ответ. — Что-то не вижу я тут машин с дипломатическими номерами...

— Р-р-разойтись!!! — скомандовал в мегафон показавшийся в дверном проеме майор в туго натянутой на пивном животе форменной рубашке.

Самоварова прищурилась: этого усатого она не знала.

— Всем посторонним лицам просьба разойтись по домам! — упорствовал тот, хотя в ответ в толпе не образовалось ни малейшего движения.

Двое совсем юных полицейских, девушка и парень, волокли по асфальту парковочные буйки и, расставив их в две линии, с помощью липкой белой ленты выделили коридор до машины «скорой», которая, истерично завывая и с трудом маневрируя в толпе, пыталась ровно сдать назад.

Самоварова поняла, что опоздала.

Скоро начнут выносить, и проникнуть в здание у нее уже точно не получится.

Она достала из сумки потертый очечник и папку, надела очки, положила сверху папки чистый белый лист, зажала в пальцах шариковую ручку и, уверенно подвигав локтями, натоптала себе местечко возле машины «скорой».

Своего доброго друга она здесь пока не углядела.

Плохо. Очень плохо...

Без покровителя она рисковала быть выдворенной отсюда вместе с остальными зеваками. Варвара Сергеевна надеялась, что при помощи своего невозмутимого остренького личика и строгого серого плаща она сможет спасти ситуацию, ведь было дело — помогало. Но, оценив обстановку, она сообразила, что лучше прямо сейчас заручиться хоть каким-то союзником.

Обернувшись, Самоварова обнаружила, что за спиной у нее оказался тот самый возрастной эксперт по международным отношениям.

— Говорят, — доверительно шепнула ему Варвара Сергеевна, — если, конечно, я верно расслышала, этот иностранец — принц африканский...

Майор снова показался в дверях, стер со лба пот, устал выдохнул и свирепо прокричал в мегафон:

— Граждане! Не мешайте работать! Покиньте площадку!

— Не каждый день такое увидишь, — продолжала, не дождавшись никакой реакции, Варвара Сергеевна. — А может, чуть-чуть похулиганим?

— Хм! — наконец произнес «эксперт». — А я подумал, вы тоже при исполнении!

— Ну как сказать... Что, испугались?

— А чего мне бояться? — не понял собеседник, на всякий случай немного попятившись назад.

— Сейчас их вынесут... Если вы легонько меня подтолкнете, я, возможно, успею разглядеть, принц это какой или брешут...

— Господи помилуй! Надо же такое придумать! — не поддержал он ее порыва.

Ответить Самоварова не успела — из здания вывалила целая толпа полицейских. Зная, что народ не так просто разогнать, полицейские принялись, толкаясь спинами, отгеснять людей подальше от белой ленты.

Майору позвонили на мобильный.

— Да! — рявкнул он в трубку. — Так и есть, уже увозим!

— Ну же, не подкачайте! — сделав вид, будто они обо всем договорились, бросила через плечо Самоварова

и, вжав голову в плечи, с сосредоточенным выражением лица принялась чертить на бумаге какие-то круги.

— Вы что же думаете... — начал за спиной мужчина, но договорить не успел: из дверей показались санитары с носилками. Оглушил своим мегафоном майор, полицейские потеснили толпу, отжимая ее назад. Вскоре носилки поравнялись с тем местом, где, едва удерживая равновесие, стояла Самоварова, которая уже нащупала ногой ступню соседа. Недолго думая, она что было силы воткнула в нее свой каблучок.

— Ептыть! — Мужчина рефлекторно двинул ей в спину кулаком, и она, теряя равновесие, упала грудью на белую, с пятнами крови, простыню, прикрывавшую чье-то крупное тело.

* * *

— Варвара Сергеевна, голубушка, что ты за шапито-то здесь устроила, а?!

Полковник Никитин, большой, сутулый, чем-то похожий на медвежонка коалу, раздувшегося до невероятных размеров, раздраженно топтался на одном месте. Взгляд его, мониторивший обстановку вокруг, время от времени тяжело опускался на Самоварову, сидевшую в кресле в маленьком вестибюле отеля.

Отделение полиции, которым командовал полковник, слыло в городе «интеллектуальным». Там всегда обходились без побоев, дешевых угроз и прочего беспредела. Не раз он уже нарывался на неприятности, которые неминуемо должны были привести к отстранению от занимаемой должности, но чья-то таинственная и сильная рука, уважающая истинный правопорядок, в последний момент его спасала, и даже самые серьезные недруги на какое-то время оставляли полковника в покое.

Самоварова, прикрыв рот рукой, все еще едва сдерживала рвотные позывы. Выбранный ею неизвестный «союзник» (будь он неладен!) толкнул ее в спину с такой силой, что вместо задуманного «рассмотреть поближе», она на несколько жутких секунд оказалась лежащей на трупе.

Пытаясь на что-то переключиться, Самоварова рассматривала ботинки полковника.

«Модель все та же, классическая... Добротные, но поношенные, себя не балует, а *ей*-то, поди, уже не одну шубу с тех пор купил!»

Лет пятнадцать тому назад почти такие его ботинки иногда стояли в коридоре ее квартиры, и у нее прыгало сердце от страха, что Аня, тогда студентка, может неожиданно нагрянуть домой.

— Варя, — понизив голос, окликнул ее полковник. — Варя!

Никитин снова осмотрелся: в отеле стало потише, но он по-прежнему гудел, как разворошенный улей. По холлу быстро сновали полицейские, которые уже завершили все необходимые процедуры.

Он наклонился к ней совсем близко, и к его укоризненному взгляду примешалась искренняя жалость:

— Варя, милая, из-за тебя у меня могут быть серьезные неприятности, хоть это-то ты понимаешь?!

— Сереж, не прессуй меня! Я и так в себя прийти не могу!

— Черт подери... Варя, соберись наконец! Сама хрен знает во что вляпалась и меня еще так по-дурачки представляешь!

— Вот интересно, перед кем?

Варвара снова вспомнила про *нее*, такую чужую и такую близкую, с которой однажды случайно столкнулась в коридоре отделения... Или не случайно... И еще вспомнился запах их дома, исходивший от его отутюженных рубашек.

— Ты вообще представляешь, что я не имею права тебя сюда пускать...

Собрав волю в кулак, Самоварова привстала.

— Так, Никитин, — заговорила она вполголоса, — ты зачем сейчас комедию ломаешь? Меня тут и так все знают... Ну или почти все.

— Я сообщил тебе, да, но можно же было и без этого представления обойтись! Еще мужика за собой какого-то чокнутого потянула! Он потом в раж вошел, к понятиям полез с расспросами!

Самоварова нервно усмехнулась:

— Просто я ему сказала, что под простыней принц лежит, вот он и не сдержал любопытства!

— Он не только любопытства, судя по твоему полету, он еще и силы не сдержал! Хотя уж я-то знаю, как ты можешь достать человека. Варвара Сергеевна, может, хватит, а? Я все твои прихваты знаю наизусть! Лучше бы ты актрисой стала! Принц, ага. Латиноамериканский Казанова.

— Я не собиралась на него падать! Я просто хотела поближе рассмотреть... Мне надо было подышать с ним одним воздухом.

— За столько лет работы я до сих пор к трупам не привыкну, а ты — «подышать одним воздухом»... Что же ты тогда и к бабе не полезла, ее же следом выносили?

— Сереж, ну прекрати ты... Меня только отпустило...

— Ладно, прости.

— И потом: баба вторична, ты же сам знаешь...

— Да неужели?

— Это же мир мужчин, по крайней мере вы сами так думаете. Видишь, у вас даже есть преимущество в том, кого первым вынесут с ложа любви. Ну что, может, пойдем на место?

Полковник вздохнул и жестом пропустил даму вперед, прикрывая ее хрупкую, уже немного сухонькую фигурку от своих коллег, словно заранее отгораживаясь от их докучливых вопросов.

Варвара Сергеевна чувствовала у себя за спиной его дыхание. Показалось, наверное, но в этом дыхании она как будто ощутила последние флюиды его былой силы и нежности.

* * *

У любви и у секса разный запах.

Чувство как будто извиняет естественное стремление плоти. словно невидимые, плетущие кружево чувств существа сторожат где-то рядом и растворяют все неприглядное в многозначительных паузах, в долгих, прощающих наперед взглядах и, пропуская через кружево,

очищают — до того воспоминания, где колотятся в неизбыточном волнении сердца и связываются цепкими узелками беззащитные души.

Секс же, напротив, выставляет все напоказ.

Здесь пахло сексом.

Скорым, жадным, нечестным.

— Так, — буркнул Никитин, нажав на мобильном «отбой», — плохо дело, личность убитой только что установили.

— Проститутка? — оживилась Самоварова. — Или что-то в этом роде?

— Да хуже, еперный театр! Жена одного богатого чела. Не настолько известного, чтобы это попало на страницы желтой прессы, но... Как бы еще мешать не начал нам этот умник!

Через несколько минут после того, как полковник на свой страх и риск привел Самоварову на место преступления, группа умаявшихся полицейских наконец завершила свою работу.

Угрюмые ребятки пошелестели бумагами, защелкнули чемоданчики и, обдав подругу полковника вопросительно-безразличными взглядами, покинули помещение.

— Ну что ж, это не он...

Убедившись, что в номере, кроме них двоих, никого не осталось, Варвара Сергеевна попросила полковника закрыть дверь. Она присела в единственное в этой крошечной комнате кресло и прикрыла глаза.

— Варь, тебе все еще плохо? Зачем тогда пошла сюда?

— Уже лучше. Я просто думаю, — не открывая глаз, процедила Самоварова.

— Думает она... Елки-палки, Варя! Ты еще в транс здесь войди, как в «Битве экстрасенсов»!

— Друг мой, я уже несколько часов в транс...

— Не я один это заметил... И почему ты так уверена, что это не он? Ты кого, мужа имеешь в виду?

— Разумеется!.. Этому человеку не было никакой нужды их убивать. Ему, скорее, все это было даже удобно.

— Почему же? — не сдержал усмешки полковник. — Валий, Агата Кристи!

— Потому что я это вижу. И ты сам, Никитин, тоже это видишь.

— Ну да, ну да... Их даже для отвода глаз не обокрали. Ничего не пропало, шторы до конца не задернуты, и лишних отпечатков мы не найдем. Наслаждались скверным шампанским только покойники, а тот, кому все это не понравилось, ничего здесь не трогал.

— Или не трогала.

— Ты считаешь, что убийца — она?

— Уверена.

— Хм... Допустим...

Полковник брезгливо приподнял край одеяла и посмотрел на кровать так удивленно и задумчиво, будто вовсе не он провел здесь все утро. Преодолевая отвращение, присел на уголок.

— Варя, как ты это научилась делать?

— Что?

— Ну что... Ты еще два дня назад скинула мне эсэмэску: «Как случится — сигнал». Откуда ты могла знать?

— Сережа, — Самоварова открыла глаза и принялась разглядывать его руки, которые он неловко пытался приладить у себя на коленях, — Сережа, с тех пор как я... С тех пор как я решила, что буду одна, я изучаю только природу человеческих эмоций...

— Но не ты все всегда решаешь, Варь! Решает она! До-решалась уже сама знаешь до чего! И... ты же дома сидишь.

— Нет. Я почти каждый день выхожу, когда дочь уходит на работу.

— Что, до сих пор не выпускает?

— Само собой.

У полковника были розоватые толстые пальцы с коротко остриженными ногтями. Все тридцать с лишним лет, что Варвара была с ним знакома, этими самыми руками он каждый день обнимал ее, ту женщину в пальто с лисьим воротником.

— И куда же ты ходишь?

— Гуляю по городу... Сажу в кафе, смотрю на людей. Сажу в соцсетях и постоянно изучаю.

— Что?

— То, что на самом деле движет людьми.

— Алчность, похоть, что еще может ими двигать?

— Ты не любишь людей, Никитин! Да не смотри ты так, я же не осуждаю... Я их тоже не особо люблю, только мне они до сих пор интересны. Учебников по моим наблюдениям никто, конечно, не напишет — просто потому, что это скорее ощущения, чем знания... Интуиция. Когда стоишь одной ногой в густом тумане и не знаешь, на какой ты части моста и как сюда попала, да и мост ли это, понимаешь, что только это главное — то, что недоказуемо. Я бы не стала сводить все это к простым определениям, все гораздо тоньше, Никитин...

— О как, мост... Про лес я слышал, хотя лично мне ближе поезд, — сощурился на нее полковник, и было неясно, ехидничает он или говорит на полном серьезе.

Видимо, он хотел добавить что-то еще, но вместо этого вдруг накрыл своей лапой хрупкую, с изумительно длинными пальцами руку Варвары Сергеевны.

«Пальчики-свирельки» — так он называл их, держа в своих могучих лапах и перецеловывая каждый...

В какую-то неверную секунду Самоваровой показалось — сейчас опять начнется.

Так было уже не раз: она гнала его в мыслях, обдавала холодом и молчанием на службе, но все начиналось по новой, их снова сводило, крутило, лихорадило... И все повторялось до тех пор, пока она не увидела ту, о которой знала всегда.

Но знать — одно, увидеть — другое.

Не то чтобы «на чужом несчастье счастья не построишь», нет... Просто ей стало невыносимо жаль Никитина, она не захотела перемалывать сильного, цельного мужика мучительными для него сомнениями.

— А знаешь, иногда мне жаль... — прервал молчание Никитин.

«Что ты не остался со мной, — мысленно закончила за него фразу Самоварова и тут же возразила: — И хорошо, что не остался! Сырников горячих у тебя бы по утрам

не было, и полковника бы тебе не дали. Для тебя же все просто, здесь — убийство, там — сырники».

— ...Что я не могу официально вернуть тебя на службу.

— Брось, Сереж... Ты и так делаешь многое. Ты делаешь для меня самое главное!

— Что?

— Подпитываешь мое любопытство... Сдохнуть мне не даешь, вот что!

Самоварова отдернула руку и стряхнула со лба налипшую прядь волос.

Минутное наваждение исчезло.

Да это же просто смешно!

Они оба гомерически смешны, всласть нахохотаться над ними беззубой прачке из странного сна.

Два изношенных, с кучей болячек, заточенных в свои вековые страхи тела.

Да, Никитин старше ее только на пару лет, может, он еще и пыжится иногда, но все равно: два инсульта и вся жизнь на износ.

Какой же у них странный возраст: с одним, самым главным — еще рано, с другим, самым главным — уже поздно.

В дверь сердито постучали.

— Сейчас! Я же просил оставить меня на десять минут с консультантом!

Никитин быстро встал, поправил китель и уже совершенно другим голосом отчеканил:

— Это мир женщин, Варя. Ты ошиблась. Сама сказала, что убийца не он, а она. Вот и ищи ее! Вставай, дорогая моя, нам давно пора на выход! А то я им и так черт знает что про тебя плету!

* * *

Когда Самоварова вышла из отеля, машины уже разъехались, да и народ разошелся, но над всей прилегающей к зданию территорией еще висело густое облако произошедшей беды.